

яростно в бой, и осыпали один другого жестокими ударами, то наседая, то отступая, то сшибая мечи, словно два диких вепря, и так сражались они целый час. Ибо этот сэра Мадор был рыцарь могучий, не раз отличавшийся в богатырских боях. Но под конец противник поверг сэра Мадора наземь и тут же подступил к нему, дабы прижать его распростертого к земле. Но сэра Мадор успел вскочить и, поднимаясь, пробил тому бедро, так что кровь брызнула струей.

Когда он почувствовал рану и увидел кровь свою, он дал сэру Мадору подняться на ноги, а потом нанес ему по шлему мечом удар такой силы, что тот навзничь растянулся на земле.

Тогда подошел он к нему и хотел сорвать шлем у него с головы. Но сэра Мадор взмолился о пощаде. И признал он себя побежденным и ему покорился, объявив, что берет назад обвинение против королевы.

– Я не пощажу твоей жизни, – отвечал рыцарь, – покуда ты не откажешься навсегда от всех покляпов на королеву и не поклянешься, что на могиле сэра Патриса не будет даже упомянуто, что будто бы его убили с согласия королевы Гвиневеры.

– Даю в этом клятву, – отвечал сэра Мадор, – и раз навсегда беру назад все мои обвинения.

После этого рыцари с Мадорова конца поля подняли сэра Мадора с земли и отвели его к его шатру. А тот другой рыцарь направился прямо к подножью ложи, где сидел король Артур.

К этому времени королева уже возвратилась к королю, и они сердечно поцеловались. Когда же король увидел того рыцаря, он наклонился к нему и благодарил его, и королева тоже. И попросил его король снять шлем и отдохнуть с ними и принять от него кубок вина.

Снял он шлем с головы, чтобы выпить вино, и тогда все рыцари узнали в нем сэра Ланселота. И лишь только увидел король, что это сэра Ланселот, он взял за руку королеву, подвел ее к нему и сказал:

– Сэр, грамерси за ваши ратные труды, что приняли вы нынче за меня и за мою королеву.

– Мой государь, – отвечал сэра Ланселот, – знайте, что мой неизменный долг – всегда выступать на вашей стороне и на стороне госпожи моей королевы и биться за вас обоих, ибо вы, господин мой, посвятили меня в высокий Орден Рыцарства, и в тот же день госпожа моя, ваша королева, оказала мне великую милость. Так что, не храни я вам верности, позор был бы мне, ибо в тот самый день, когда я принял от вас посвящение в рыцари, я впопыхах обронил меч, и госпожа моя, ваша королева, нашла его, спрятала в шлейфе своего платья и передала его мне, когда он мне как раз понадобился. Если бы не она, я был бы опозорен перед всеми рыцарями. И потому, господин мой Артур, в тот день я поклялся ей всегда, и в правде и в неправде, быть ее верным рыцарем.

– Грамерси, – молвил король, – за ваш поспешный приезд. И знайте, – сказал король, – я не останусь у вас в долгу за ваше благородство.

А королева все глядела и глядела на сэра Ланселота и под конец так разрыдалась от всего сердца, что едва не упала на пол от горькой мысли, что он был к ней так добр, тогда как она общлась с ним так немилостиво. Между тем окружили его рыцари из его рода, и все приветствовали его и радовались ему от души. Вслед за ними приблизились и все остальные рыцари Круглого Стола, кто был в то время, и поздравили его с возвращением.

А вскоре сэра Мадор исцелился собственным искусством от полученных ран, и сэра Ланселот тоже был исцелен от раны в бедре. И было там при дворе великое веселие и множество развлечений.

8

И случилось так, что Дева Озера по имени Нинева, которая была женой доброго рыцаря Пелеаса, тоже явилась ко двору короля Артура, ибо она неизменно помогала королю и всем его рыцарям своими чарами и волшебством. И когда она прослышала о том, как королева попала в беду из-за смерти сэра Патриса, то она во всеуслышанье объявила, что королева ни в чем не повинна, и открыла людям, кто это сделал, и назвала имя сэра Пионеля и за что он его убил. И стало это всем известно и всем открыто, и так королева была оправдана.¹²⁵ А этот рыцарь сэра Пионель сбежал в

---

¹²⁵ ... и так королева была оправдана. – В других эпизодах Мэлори не смущало, что Ланселот одной своей победой в поединке доказал невиновность (а вернее, неподсудность) королевы Гвиневеры. Здесь же автору показалось недостаточным такое доказательство, и он ввел в повествование Деву Озера, которая раскрыла истину и всех о ней оповестила. Этот эпизод свидетельствует о том, что поединок как способ решения спорных вопросов утратил свое значение в эпоху Мэлори. (Авторитет старинного суда англосаксов, в котором решающую роль играл поединок, подорвали ре-